

А. Аветян

Германский империализм на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны

(Дипломатический конфликт по делу военной миссии
Лимана фон Сандерса)

Ближний Восток представлял собой район, где особенно остро проявлялись англо-германские и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. Учитывая надвигавшуюся схватку за коренной передел мира, правящие круги Германии решили создать для этого наилучшую дипломатическую и военную обстановку. Одним из средств осуществления намеченной цели являлась военная миссия, посланная в конце 1913 г. в Турцию с большими полномочиями, во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом¹. Отправка германской военной миссии вызвала бурю в верхах царского самодержавия, увидевших в этом смертельную угрозу своим «историческим» притязаниям на Константинополь и проливы. Возник крупный дипломатический конфликт, в котором приняли участие дипломаты почти всех великих держав.

Этот конфликт нашел свое отражение в изданных документах архива царского правительства², в известных публикациях германских³, английских⁴ и французских⁵ дипломатических документов. Каждое из указанных иностранных буржуазных изданий составлено на основе предвзятого подбора документов и имеет определенную апологетическую тенденцию, оправдывающую политику данной державы в период подготовки первой мировой войны. Большой материал по исследуемому вопросу имеется в Архиве внешней политики России (АВПР), где собрана переписка российского министерства иностранных дел со своими дипломатическими представителями в других странах.

¹ А. С. Аветян, К вопросу о роли миссии Лимана фон Сандерса в политике германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. Ученые записки Ереванского государственного русского пединститута им. Жданова, т. VIII, 1957.

² «Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.», М., 1922, частично в «Международных отношениях в эпоху империализма», т. I, серия III, М., 1931. В дальнейшем первая публикация — М., вторая — М. О.

³ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. 38, Berlin, 1927. В дальнейшем — «Gr. Pol.».

⁴ «British documents on the origins of the war 1898—1914», vol. X, part I, London, 1936. В дальнейшем — «Br. doc.».

⁵ «Documents diplomatiques français» 3-e Série (1911—1914), vv. 8, 9, Paris, 1935—1936. В дальнейшем — «DD.».

Дипломатическому конфликту по делу миссии Лимана фон Сандерса и его отдельным сторонам посвящены работы советских авторов А. Могилевича и М. Айрапетяна¹, молодого историка Г. Арш².

Среди иностранных исследователей можно указать на работы германского историка Ганса Герцфельда³, члена германской военной миссии Мюльмана⁴, американцев Фей⁵ и Кернера⁶. Все эти работы буржуазных авторов излагают события в тенденциозном духе. Большинство из них писалось в период, когда многие материалы, относящиеся к германской военной миссии, не были выявлены.

В данной статье мы остановимся на основных этапах дипломатического конфликта, проследим главную линию его развития.

Уже вскоре после того, как на страницах германской прессы появились статьи о предстоящей отправке германской военной миссии в Турцию, в бой вступили дипломаты. Первым забил тревогу русский посол в Константинополе Гирс. В телеграмме от 2 ноября 1913 г. он сообщал о том, что в Константинополе ожидается приезд новых германских инструкторов для турецкой армии⁷. Через несколько дней стало известно о предполагаемом назначении германского офицера командующим корпусом в турецкой столице. В связи с этим Гирс указал своему германскому коллеге, что такое известие произведет неблагоприятное впечатление на русские правящие круги и державы (имея в виду Тройственное согласие) не отнесутся к этому равнодушно, ибо германскому офицеру предоставляется важный в военном отношении район. В свою очередь германский посол Вангенгейм старался всеми силами уверить русского посла, что германский офицер «будет командовать исключительно строевой частью»⁸. Он опасался, что вокруг этого вопроса поднимется раньше времени большой шум, и это обстоятельство может неблагоприятно отразиться на подписании контракта⁹. Однако уже делу был дан ход, и едва ли возможно было предотвратить назревание конфликта.

Министр иностранных дел России Сазонов находился в это время в Ялте. Оттуда в Петербург и Константинополь полетели телеграммы, где он с нескрываемым беспокойством писал: «Сама по себе немецкая военная миссия в пограничной с нами стране не может не вызвать в русском

¹ А. Могилевич и М. Айрапетян, На путях к мировой войне 1914—1918 гг., Л.—М., 1940.

² Г. Л. Арш, Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса, Вестник Ленинградского университета, 1943, № 11, стр. 112—125.

³ H. Herzfeld, Die Limankrise und die Politik der Grossmächte in der Jahreswende 1913—1914, Berliner Monatshefte, 1933, № 9, SS. 837—855, № 10, SS. 973—993.

⁴ C. Mühlmann, Deutschland und die Türkei 1913—1914, Berlin, 1929.

⁵ С. Фей, Происхождение мировой войны, т. I, М., 1934.

⁶ R. Kerner, The mission of Liman von Sanders, Slavonic review, 1927, № 16, pp. 12—27, № 17, pp. 344—353, 1928, № 18, pp. 543—560, № 19, 90—112.

⁷ М., стр. 631.

⁸ Там же, стр. 631—632.

⁹ Контракт между турецким правительством и Лиманом фон Сандерсом (от имени германского правительства) об условиях пребывания германской военной миссии в Турции был подписан окончательно 27 ноября 1913 г.

общественном мнении сильного раздражения и будет, конечно, истолкована как акт, явно недружелюбный по отношению к нам»¹.

Помощник Сазонова Нератов в беседе с германским поверенным в делах в Петербурге Луциусом указал, что германский проект затрагивает «особые интересы» России².

Германская дипломатия сначала сделала вид, что ей вообще непонятны опасения России. Циммерман (помощник статс-секретаря германского ведомства иностранных дел) заявил русскому послу в Берлине Свербееву, что он высокого мнения о русской армии, и ему кажется удивительным, что одна образцовая дивизия в Константинополе может угрожать России. Далее он пытался прикрыть германские планы на Ближнем Востоке ссылкой на «общие установки» политики великих держав в отношении сохранения неприкосновенности Турции и ее азиатских владений³. Этот тезис служил одним из аргументов, оправдывающих действия Германии во всех ее мероприятиях на Ближнем Востоке.

В дальнейшем, в связи с ростом активизации русской дипломатии в Берлине, Циммерман решил просто отмахнуться от ее домогательств, сказав Свербееву, что ему ничего не известно о предоставлении германскому генералу командования корпусом в Константинополе, так как переговоры ведутся исключительно военными⁴. Беспочвенность последнего довода несомненна. Вряд ли можно допустить, чтобы германское ведомство иностранных дел не было в курсе переговоров относительно новой военной миссии, ибо барон Вангенгейм с самого начала был посвящен во все тайны этого дела и принимал в нем самое активное участие.

Затем правительство России согласилось на командование германским генералом турецким корпусом, местопребывание которого исключало бы как район Константинополя, так и пограничную с Россией территорию⁵.

Русский премьер Коковцов в ноябре 1913 г. в Париже вел переговоры по экономическим вопросам. На обратном пути он должен был заехать в Берлин, чтобы выразить благодарность кайзеру за пожалование высшего прусского ордена Черного орла. В дипломатических кругах России зародилась мысль использовать пребывание Коковцова в Берлине для выяснения вопросов, связанных с германской миссией. 17 ноября Коковцов прибыл в Берлин и после консультаций с русским послом приступил к переговорам. Канцлер Бетман-Гольвег указал, что в случае отказа Германии Турция обратилась бы к другой великой державе относительно посылки военной миссии. Новые аргументы германской стороны были недостаточны для того, чтобы умерить возбуждение в России. Со своей

¹ М., стр. 633.

² АВПР, Политархив, д. 3308, л. 6. См. также „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15445, S. 206.

³ „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15146, S. 207.

⁴ М., стр. 632, 635.

⁵ АВПР, Канцелярия, 1913 г., д. 48, л. 154.

стороны Коковцов обратил внимание канцлера на самые серьезные возражения в России против германского командования корпусом в Константинополе. Русский премьер сформулировал свои соображения в виде просьбы альтернативного характера, в которой говорилось, что или надо заменить командование организацией инспекции на прежних основаниях, или же перенести образцовый корпус в какой-либо другой пункт, который не затрагивал бы интересов России и не находился в сфере особых интересов Франции¹. Собеседники не смогли достигнуть компромиссного решения, и вопрос остался открытым.

Ауденция у германского императора не отличалась новизной аргументации, зато изобиловала патетическими жестами и громкими фразами. Вильгельм II пустил в ход свой излюбленный козырь. Он говорил о своих встречах с русским царем и английским королем в мае 1913 г. и о принципиальной согласии последних на отправку новой германской военной миссии в Константинополь². Когда Коковцов стал уточнять позицию царя, кайзер поспешил замять этот вопрос, воскликнув: «Стоит ли поднимать из-за такого пустяка шум? Постараемся уладить этот неприятный инцидент». Тогда Коковцов изложил свои вышеприведенные соображения. Первое из них было встречено кайзером в штыки. Он заявил, что германские инструкторы должны обладать сильной властью, чтобы перевоспитать турецких офицеров. Относительно второго предложения германский император обещал рассмотреть вопрос в указанном плане. Позже выяснилось, что это был лишь маневр. На этом можно считать законченным первый этап в развитии конфликта. Главное место занимали русско-германские переговоры. Русская дипломатия направила свой огонь против предоставления германскому генералу командования корпусом в Константинополе. Россия стремилась преуменьшить и сузить полномочия главы германской военной миссии и тем самым локализовать германские устремления. В свою очередь, и правящие круги Германии, посредством различных аргументов, хотели отвести требования русских кругов. Они опасались, что домогательства России могут воспрепятствовать отправке миссии в Турцию. Визит Коковцова в Берлин не принес ожидаемых результатов. Русский премьер привез лишь туманные обещания «пересмотреть» вопрос. Все это привело к тому, что положение постепенно стало осложняться.

Надеясь на компромиссное улаживание вопроса, Сазонов выдвинул новую идею — одновременно с продолжением переговоров с германским кабинетом начать нажим на турецкое правительство в Константинополе.

¹ О переговорах Коковцова с Бетман-Гольвегом см. М., стр. 624—625, 636. „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15450, SS. 212—215.

² В мае 1913 г. состоялось бракосочетание дочери Вильгельма II, на которое были приглашены Николай II и Георг V. Во время бесед Вильгельм II изобразил дело в таких красках, что те поняли это как возобновление прежней инструкторской деятельности германских офицеров в Турции и дали свое согласие.

³ О встрече Коковцова с Вильгельмом см. М., стр. 626, 636—639, АВПР, Политархив, л. 3308, л. 119, „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15451, S. 217.

Он высказал предположение, что непосредственное обращение России к Турции облегчит задачу перенесения германского командования из Константинополя в другой центр¹. Но Ягов (статс-секретарь германского ведомства иностранных дел) считал, что «по техническим причинам» нет возможности оставить турецкую столицу, так как там находятся все военные учреждения и наиболее важные военные школы. Вильгельм II полностью одобрил этот тезис Ягова и сделал следующую помету: «Если бы мы согласились с русскими пожеланиями, то с нашим престижем в мусульманском мире было бы просто покончено»². Против перенесения германского командования за пределы Константинополя выступил и сам Лиман фон Сандерс³. Остальное было разыграно как по нотам. Свербееву было сообщено, что после отъезда Коковцова вопрос о местопребывании германской военной миссии был якобы подвергнут тщательному пересмотру, и все, начиная с военных экспертов, высказались за ее оставление в столице⁴. Затем Бетман-Гольвег направил Коковцову письмо, в котором выражал «сожаление», что не может выполнить данных ему в Берлине обещаний⁵.

Сазонов предпринял еще одну попытку достигнуть компромисса, однако канцлер заявил русскому послу, что, во-первых, дело уже строго и зрело обдумано, во-вторых, уступчивость Германии вызовет негодование общественного мнения⁶.

В это время на страницах русской прессы поднялась кампания против германской военной миссии. Застрельщиком этого дела была газета «Новое время». В одном из номеров газета писала, что «на Ближневосточную Порту так налег бронированный кулак, что турецкая политика делается уже не в Константинополе, а в Берлине»⁷. «Новое время» в то же время упрекало русскую дипломатию за недостаточно решительные действия. Газета «Биржевые ведомости» считала уместным поставить вопрос о компенсациях в районе проливов и Армении⁸.

Бесплодность русско-германских переговоров заставила российского министра иностранных дел постучаться в двери дипломатических учреждений Франции и Англии. План Сазонова предусматривал вывести из состояния бездействия правительства Франции и Англии и начать совместные интенсивные действия в Константинополе с целью получения соответствующих компенсаций⁹.

¹ М., стр. 637-638.

² „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15452, SS. 218—219.

³ *Liman Von Sanders, Fünf Jahre Türkei*, S. 15.

⁴ М., стр. 643.

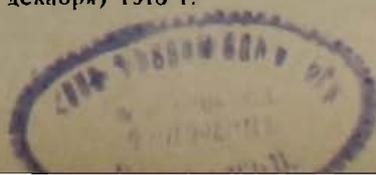
⁵ Текст письма см. АВПР, Канцелярия, 1913, л. 38, лл. 32—34. „Gr. Pol.“ Bd. 38, № 15455, S. 222.

⁶ АВПР, Канцелярия, 1913, л. 48, л. 165.

⁷ „Новое время“, 12 (25) ноября 1913 г.

⁸ „Биржевые ведомости“, 20 ноября (3 декабря) 1913 г.

⁹ М., стр. 642.

Франция сперва была склонна поддержать требования России. Министр иностранных дел Пишон заявил турецкому послу, что державы Тройственного согласия вправе требовать себе моральных и политических компенсаций¹. Однако французское правительство не решалось выступить без согласия Англии. Позиция британского правительства в этом вопросе была сложной и противоречивой. Дело в том, что правящие круги Германии, усиленно готовясь к войне, делали определенную ставку на нейтральность Англии. В то же время Германия прилагала много усилий, чтобы расшатать и ослабить Тройственное согласие. Германские руководящие деятели, дипломаты подняли на щит идею о том, что только Англия и Германия могут восстановить и укрепить Турцию. Пропагандировалась англо-германская «гармония» интересов в Малой Азии². Чтобы поддержать эти иллюзии, не раскрыть преждевременно свои карты, британское правительство, в свою очередь, пошло навстречу Германии, и между правительствами обоих государств начались переговоры по вопросу Багдадской железной дороги и португальских колоний. На деле эта политика английского кабинета означала прямое провоцирование Германии на войну.

Требования России о предоставлении компенсаций и совместных шагах в Константинополе не нашли благоприятного отклика у английских дипломатов. Допуская в принципе возможность компенсаций, Грей считал, что таковые на практике отыскать трудно³. К тому же, по мнению Грея, подобные меры могли нарушить устойчивость режима в Турции.

Все же в начале декабря дипломатия Антанты дала согласие на совместный демарш трех держав в Константинополе. Здесь далеко не последнюю роль сыграло весьма неприятное для Англии и Франции обстоятельство, что Германия становилась твердой ногой в турецкой столице и проливах. Но чтобы не вызвать резкого негодования со стороны Германии, было решено выступить в Константинополе, а не в Берлине. Попутно надо было хотя бы внешне вселить в Россию уверенность в своей лояльности и поддержке. Одновременно этим путем Антанта, не желавшая усиления влияния России в Турции, хотела нейтрализовать русские требования компенсаций в Армении.

Вслед за официальными инструкциями британским представителям в Петербурге и Константинополе были посланы «частные» письма, целью которых было не допустить, чтобы демарш принял бы резкие формы.

В письменной ноте, которую должны были вручить послы трех держав великому визирю, указывалось, что благодаря контракту с турецким правительством Германия фактически захватывает ключи к проливам. Масштабы власти германского генерала настолько широки, что затрагивают верховные права султана и суверенитет самой Турции. В ноте сохранилось предостережение, что другие державы могут быть побуждены:

¹ „DD“ 3 série, v. 8, p. 652.

² См., напр., „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15312, S. 45.

³ М., стр. 644—645.

к аналогичным требованиям для сохранения своего положения в турецких владениях¹.

Но тут произошло событие, которое можно квалифицировать как непростительный промах русской дипломатии. В надежде добиться большего, Сазонов 3 декабря направил Свербееву телеграмму, вновь повторяющую идею о непосредственном обращении России к Турции. Одновременно русский министр просил правительства Англии и Франции повременить с обращением к Порте до выяснения результата последнего обращения в Берлине². Последние пошли навстречу этой просьбе и дали соответствующие указания своим представителям в Константинополе.

Через несколько дней после бесед Сазонова с германским послом Пурталесом и Свербеева с Яговым стало ясно, что берлинский кабинет не желает уступать своих позиций³. Исходя из этого, русский министр сделал попытку исправить положение. В Лондон и Париж снова полетели телеграммы, где он признавал желательным безотлагательным обращением к Турции трех послов⁴. Однако Англия стала на путь отказа от ранее согласованной ноты. Грей заявил, что надо действовать очень осторожно, и он готов удовлетвориться запросом информации о германском генерале и ограничиться устным заявлением в Константинополе⁵. Предложенный Греем текст совершенно исключал вопрос о компенсациях⁶.

Помимо главной цели английской политики — дезориентировать Германию, причину перемены позиции Грея нужно искать и в других обстоятельствах. Одним из таковых являлась английская морская миссия в Турции, призванная реорганизовать турецкий флот (эта миссия находилась в Турции с 1908 г.). Она должна была оказывать влияние на османское правительство в смысле благоприятствования политики Англии на Балканах и Ближнем Востоке. Кроме того, эта миссия должна была противодействовать русским домогательствам в отношении изменения режима проливов.

Английский посол в Константинополе Маллет выражал опасение, что дипломатические шаги держав по поводу германской военной миссии могут повлиять на сохранение английского командования в турецком флоте⁷.

Другой подоплекой дела явился контракт, заключенный в первых числах декабря между турецким правительством и английским синдикатом Армстронг-Витворт-Виккерс о переоборудовании доков и арсеналов Золотого Рога, устройстве нового дока и морской базы в Измиде. Все связанные с этим заказы должны были быть сделаны исключительно в Англии. Нет сомнения, что английские синдикатчики, боясь лишиться такой крупной сделки, оказали давление на Грея в смысле значительного смяг-

¹ „DD“, v. 8, pp. 719—720, „Br. doc.“, v. X, part 1, p. 347.

² АВПР, Полигархив, д. 303, л. 57.

³ М., стр. 648—649, Сазонов, Воспоминания, стр. 141—143.

⁴ М., стр. 650—651.

⁵ „DD“, v. 8, p. 751.

⁶ М., стр. 653; см. также „DD“, v. 8, p. 757.

⁷ „Br. doc.“, v. X, part 1, p. 360.

чения действий английской дипломатии в Константинополе. К тому же немцы пронюхали о подготовляемом демарше в Константинополе и взглядах Грея на этот счет¹.

Сазонов был очень раздосадован переменной позиции Грея, но все же решил сделать попытку заставить английского министра вернуться к первоначальному проекту. В телеграмме русскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу он указывал, что столь бесцветное сообщение (в Константинополе) принесло бы скорее вред, чем пользу². Однако Грей оставался непреклонным в своих решениях. Глава Форейн-Оффис доказывал русскому послу, что, вследствие популярности германского проекта в турецких кругах, в данный момент надо избежать угрожающей ноты³.

Когда выведенный из равновесия Сазонов стал доказывать, что отсутствие солидарности между тремя державами может привести к тяжелым последствиям и причинить вред жизненным интересам каждой державы Тройственного соглашения⁴, Эдуард Грей вытащил на авансцену такой атрибут, который имел назначение сразу отбить дипломатическую атаку Сазонова. Английский министр сказал Бенкендорфу, что полученные им сведения указывают на действительную командную власть английского адмирала в турецком флоте. И этим обстоятельством пользуется германский кабинет, ставя его (Грея) в неловкое положение⁵. При этом Грей не посчитал уместным оговорить, что власть германского генерала будет значительно эффективнее и шире власти английского адмирала.

Потеряв всякие надежды на достижение своей цели, Сазонов дал окончательную санкцию на устное заявление в Константинополе⁶. На этом заканчивается второй этап дипломатического конфликта. Он характеризуется, с одной стороны, безрезультатностью русско-германских переговоров, с другой — вовлечением Англии и Франции в водоворот дипломатической борьбы. Участие этих держав можно разбить на два периода. Первый (с конца ноября по 3 декабря) знаменовал собой выработку текста письменной ноты демарша послов трех держав в Константинополе. Дипломатия Антанты искусно использовала оплошность Сазонова для отказа от первоначального намерения. Начинается второй период (с 3 по 13 декабря), для которого характерны, с одной стороны, упорные попытки Сазонова заставить своих союзников вернуться к первоначальному тексту письменной ноты, с другой — не менее упорное противодействие Англии (и частично Франции) этим попыткам. Чтобы не потерять достигнутого, Сазонову пришлось, скрепя сердце, уступить и согласиться на предложенный Греем устный запрос.

¹ „Gr. Pol“, Bd. 38, № 15472, SS. 240—241.

² АВПР. Канцелярия, 1913 г., л. 164, л. 141; Graf Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel, Bd. III, SS. 214—215.

³ Там же, стр. 212.

⁴ АВПР. Канцелярия, 1913 г., л. 164, л. 148.

⁵ М., стр. 659.

⁶ Там же, стр. 660.

13 декабря послы держав Тройственного согласия в Константинополе сделали указанный запрос. Великий визирь пытался придать этому делу чисто внутренний характер и отказал послам в пожелании ознакомиться с контрактом о правах германской миссии, усматривая в этом вмешательство в дела Турции¹.

Действия дипломатии Тройственного согласия вызвали сильную реакцию и со стороны правящих кругов Германии. Вильгельм II назвал этот демарш «неслыханной наглостью»². Однако вскоре после получения известий из Лондона и Константинополя возбуждение в германских кругах уменьшилось. Грей дал ясно понять германскому послу Лихновскому, что он не собирается предпринять каких-либо дальнейших шагов в Константинополе. Он переложил на Россию центр тяжести всех действий в турецкой столице, изображая себя миротворцем, умеряющим воинственный пыл России. В то же время английский министр, как участник демарша, указал Лихновскому, что как Англия, так и Россия стоят на той точке зрения, что Константинополь должен оставаться турецким, и никакая другая держава не должна иметь там преобладающего влияния³. А британский посол в Турции Маллет весьма смущенно сказал Вангенгейму, что он выполнил лишь долг Антанты⁴.

Все дальнейшие попытки Сазонова организовать политическое и дипломатическое давление на Турцию были отражены Греем⁵.

Начиная со второй половины декабря, со стороны Германии начали проявляться первые склонности пойти формально навстречу России, ибо главная цель уже была достигнута. Лиман фон Сандерс прибыл в Турцию и приступил к исполнению своих обязанностей. Теперь в интересах Германии было замять дело, чтобы без помех проводить задуманные мероприятия в турецких вооруженных силах. По указанию Ягова, Вангенгейм разработал план, сущность которого заключалась в отстранении Сандерса от командования 1-м корпусом и его назначении генерал-инспектором всей турецкой армии. Этим самым он хотел убить двух зайцев: удовлетворить Россию и расширить права и функции главы германской военной миссии. Германскому послу с большим трудом удалось добиться согласия Сандерса. Но против этого решительно возражали кайзер и турецкие главарь. Поэтому переговоры о технической стороне этого вопроса между военными агентами Германии и России в Константинополе потерпели провал. В конце декабря Вангенгейм предпринял поездку в Берлин для выработки окончательного компромисса. Бетман-Гольвег поддержал план посла, считая, что новая должность Сандерса даст возможность руководить всей турецкой армией. На пороге нового года германский император одобрил

¹ „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15481, SS. 250—251. АВПР, Канцелярия, 1913 г., д. 115, л. 345.

² „Gr. Pol.“, Bd. 38, S. 251. АВПР, Канцелярия, 1913 г., д. 38, л. 39.

³ „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15485, SS. 257—258. „Br. doc.“, v. X, part 1, pp. 383—384.

⁴ „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15484, S. 256.

⁵ „Br. doc.“, v. X, part 1, pp. 390—391; М., стр. 670.

предлагаемый план¹. Однако между Берлином и Петербургом имели место длительные и мучительные переговоры, прежде чем удалось достигнуть компромисса. Разногласия касались как срока передачи командования 1-м корпусом, так и внешней формы этого акта. Пока шли торги по этим вопросам, германский поверенный в делах в Константинополе Муттус сумел убедить нового военного министра Энвера согласиться с планом Вангенгейма².

13 января 1914 г. (31 декабря 1913 г. по ст. стилю) по инициативе Сазонова было созвано особое совещание с участием Коковцова, военного министра Сухомлинова, представителей сухопутного и морского командования³. После жарких дебатов по предложению премьер-министра совещание пришло к выводам, которые можно характеризовать как весьма умеренные. В них указывалось на необходимость продолжения переговоров в Берлине до полной исчерпанности вопроса, а также фактически давалось согласие на предоставление Сандерсу общей инспекции над турецкой армией. Все активные действия в Берлине или Константинополе обуславливались обязательным участием и поддержкой Англии и Франции.

Выше было показано, что дипломатия Антанты отнюдь не собиралась поддерживать агрессивные порывы русской дипломатии, и поэтому, по существу, не могло быть и речи о каких-либо совместных активных акциях дипломатии Тройственного соглашения или России в отдельности. К тому же, вследствие военной неподготовленности, Россия тогда не желала вступать в войну с Германией.

Таким образом, третий этап конфликта в своих основных чертах характеризуется поисками компромиссного соглашения. 14 января 1913 г. по распоряжению кайзера, Лиман фон Сандерс получил повышение в чине (произведен в генералы от кавалерии), а на следующий день Порты произвела его в турецкие маршалы, и, таким образом, создавалась благоприятная почва для перевода германского генерала на новую должность. В связи с этим Гирс и Свербеев считали вопрос исчерпанным⁴. Однако в целом царское правительство и русская дипломатия, выражая внешне удовлетворение, в действительности не очень уж были довольны таким исходом дела, ибо поле деятельности главы германской миссии значительно расширилось. Сазонов писал, что новое назначение Сандерса было «неприятно и невыгодно, но дальше достигнутого успеха нам нельзя было идти, без риска опасного обострения наших отношений с Германией»⁵. Резкое недовольство результатами конфликта выражала русская пресса, в особенности «Новое время»⁶.

¹ „Gr. Pol.“, Bd. 38, № 15509, S. 283.

² Там же, № 15518, стр. 293.

³ См. протокол этого совещания в „Вестнике НКВД“, 1919, № 1, стр. 26—32.

⁴ М. О., т. I, серия III, стр. 26, 31.

⁵ Сазонов, Воспоминания, стр. 148.

⁶ „Новое время“, 31 декабря 1913/13 января 1914 г., 8 (21) января 1914 г., „Речь“, 5 (18) января 1914 г.

Правительства Франции и Англии с удовлетворением восприняли ликвидацию конфликта. Извольский писал, что у французов «отлегло от сердца»¹. Англичане постарались сгладить недовольство русской дипломатии поведением Форейн-Оффис. К русскому военному агенту генералу Ермолову был подослан военный корреспондент «Таймс» полковник Реппингтон, заявивший, что английское общественное мнение по непониманию относилось довольно равнодушно к германской военной миссии и только теперь стало осознать ее опасность и английским интересам².

Отзвуком дела о германской военной миссии явился так называемый «вопрос о Скутари». Речь шла о предоставлении германскому офицеру командования дивизией в Скутари (в окрестности Константинополя), входящей в состав 1-го корпуса. Правящие круги России считали, что это командование дает Германии господствующее положение в проливах, правда, не в такой степени, как командование корпусом. Все попытки Сазонова поднять этот вопрос в Берлине и Константинополе не имели успеха. Ягов в довольно резкой форме дал понять, что он не в состоянии что-либо прибавить к сделанной Германией «осязательной уступке»³. В свою очередь Бетман-Гольвег также отметил, что новые нападки на военную миссию будут рассматриваться как сознательное недружелюбие, и ответственность за такой образ действий ложится исключительно на Россию⁴.

Значительно умерили пыл Сазонова позиции английской и французской дипломатии. Оба правительства заявили, что они против возбуждения нового вопроса и отказываются от поддержки новых притязаний Сазонова⁵.

Оставшийся в изоляции Сазонов написал царю докладную записку с изложением хода дела о командовании дивизией в Скутари. Николай II сделал помету: «Не следует более настаивать»⁶, после чего и этому вопросу был положен конец. 24 февраля последовало ирадэ султана о назначении немецкого полковника Николаи командиром дивизии в Скутари.

Таким образом, и на сей раз русская дипломатия отступила ввиду очень сильного противодействия Германии и неодобрительного отношения своих партнеров по Тройственному соглашению.

Дипломатический конфликт по делу миссии Лимана фон Сандерса представлял собой важнейший этап в международных отношениях довоенного империализма. Являясь последним крупным международным конфликтом перед войной, он сыграл важную роль в ее дипломатической подготовке, выявил расстановку сил на международной арене. В отчетливой форме проявились русско-германские противоречия. После конфликта наступило дальнейшее ухудшение отношений между Россией и Германией.

¹ М. О., т. I, стр. 167.

² Там же, стр. 6—7.

³ Там же, стр. 27.

⁴ „Gr. Pol.“, Bd. 38, 15527, S. 309.

⁵ „Br. doc.“, v. X, part I, pp. 421, 423, „DD“, v. 9, p. 300.

⁶ М. О., т. I, стр. 391—392.

Вместе с тем этот конфликт вновь продемонстрировал зависимое положение царизма от стран Антанты. Антагонизм между Англией и Германией принял здесь скрытую форму. Руководствуясь своими основными политическими расчетами, Англия фактически дала разрешение на обоснование в Турции новой германской военной миссии, тем самым укрепив уверенность германских кругов, что в случае возникновения войны Англия останется в стороне. Объективно позиция британской дипломатии способствовала ускорению развязывания первой мировой войны.

От конфликта выиграла Германия, ибо ей не только удалось провести свой план, но и расширить права и полномочия главы военной миссии.

Реорганизационная деятельность германской военной миссии в Турции была окутана строгой конфиденциальностью. Автор, по мере возможности, сделал попытку приоткрыть завесу. Это позволяют сделать материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА, ф. 2000) — среди них рапорты русских военных агентов (атташе) за границей, рапорты начальников штабов округов, донесения русских консулов в городах Османской империи, сводки сведений Главного управления генерального штаба (ГУГШ). Некоторый дополнительный материал в освещении данного вопроса дает книга австрийского военного агента в Турции Помянковского¹. Таким образом, деятельность миссии Лимана фон Сандерса в Турции является одной из малоисследованных проблем политики германского империализма на Ближнем Востоке.

Германская военная миссия захватила ключевые позиции в турецком генеральном штабе, а также ряд ответственных постов в центральном аппарате турецкой армии. Генерал Бронзарт фон Шеллендорф стал первым помощником начальника турецкого генштаба². Во главе наиболее важных отделений генштаба (артиллерии, кавалерии, пехоты, мобилизации) были поставлены германские офицеры. Начальниками железнодорожного инженерного и интендантского отделов военного министерства также стали германские офицеры. Майор фон Легат был назначен начальником военной академии генштаба, другие офицеры — преподавателями той же академии. Посты инспекторов крепостной и полевой артиллерии также заняли германские военные инструкторы³.

Проливы и их обороноспособность, естественно, заняли одно из важных мест в работе германской миссии. Под руководством германских военно-инженерных экспертов был составлен план усиления фортифика-

¹ *Y. Pomiankowski, Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches, Zürich—Leipzig—Wien, 1928.*

² Начальником генштаба номинально числился военный министр Энвер.

³ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000 с, оп. 1, ед. хр. № 718, лл. 6—8. Рапорты русского военного агента генерал-майора Леонтьева.

ционных сооружений в проливах. Германские специалисты разработали также план усиления артиллерийской обороны проливов. Большинство артиллерийских установок должно было быть заменено¹. В этом был сильно заинтересован Крупп, ибо получал огромные прибыли на военных поставках. По заданию кайзера, германская военная миссия сделала попытку протолкнуть план замены командного состава береговой артиллерии германскими офицерами. Этот план предусматривал назначение на все перевооружаемые батареи по одному германскому офицеру-командиру и офицеру-помощнику (сроком до 2 лет). В помощь офицерам на каждую батарею должно было быть назначено по 16 унтер-офицеров. Но правящие турецкие круги, как бы ни были заинтересованы в усилении обороноспособности проливов, не смогли дать согласие на германский план, так как он таил в себе опасность серьезных осложнений во взаимоотношениях с заинтересованными державами противоположного лагеря. Немцы вынуждены были перейти к тактике постепенного просачивания в проливы.

Видное место в деятельности миссии заняла подготовка кадров в турецких военно-учебных заведениях. Вводилась почти целиком система, существовавшая в Германии. Значительно увеличивался курс стажировки будущего офицера в войсковых частях (до 13 месяцев). Румынский генерал Коанда, посетивший некоторые военные школы в Константинополе, вынес отличное впечатление о постановке занятий и виде юнкеров². Под руководством германской военной миссии был разработан новый порядок подчинения военных школ. Начальник военной миссии (Лиман фон Сандерс) мог инспектировать по своему усмотрению все школы и отдавать непосредственно приказания, которые не нуждались в утверждении военного министра. В этом вопросе права Лимана фон Сандерса расширялись по сравнению с заключенным контрактом. Он имел право командировать состоящих при себе офицеров для исполнения инспекторских обязанностей. Таким образом, все турецкие военно-учебные заведения полностью попали под власть германской миссии.

Ресорганизационная работа в армии выражалась в увеличении практических занятий в частях, в небольшом сокращении количества пехотных и конных полков и пулеметных рот. За счет сокращения количества предполагалось уделить больше внимания качественной подготовке войск. Важное место отводилось артиллерийскому оснащению армии³. Был издан новый закон несения воинской службы. Его главной особенностью являлось уничтожение категории редифа (резервная армия) и введение 2-летнего срока службы в низаме (постоянная армия). Укреплялись связи генштаба с корпусами. К каждому корпусу прикреплялось по два офицера генштаба, которые должны были принимать участие в инспектиро-

¹ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3028, л. 730. Рапорт Леонтьева.

² Там же, ед. хр. № 3835, л. 251. Рапорт Леонтьева.

³ Там же, ед. хр. № 476, л. 386. Рапорт Леонтьева.

ванин, смотрах, упражнениях и маневрах войск¹. Как правило, эти обязанности исполняли офицеры германской военной миссии.

Для закрепления своих позиций и влияния германское правительство приняло решение открыть ряд консульств и миссий в Азиатской Турции. В германском бюджете на 1914 г. были кредиты на учреждение новых консульств в Тавризе, Эрзеруме, Мосуле, а также на возвышение в ранг консульских представителей в Иерусалиме, Яффе и Хайфе². Консулом в Эрзеруме был назначен бывший сотрудник германского посольства в Константинополе опытный военный разведчик Эдгар Андерс. В апреле 1914 г. русский консул в Эрзеруме Адамов сообщал, что Андерс через трех турецких шпионов получил планы всех крепостных укреплений, фортов, казарменных помещений, разных построек для военных целей, шоссейных дорог, находящихся в районе Александрополя, Карса, Сарыкамыш³.

По предложенному германской миссией плану изменялась дислокация турецких войск и началась предварительная мобилизационная подготовка в пограничных районах. Особое значение придавалось Эрзеруму, ибо эта крепость являлась чрезвычайно важным форпостом, занимала господствующее положение в Восточной Анатолии. Адамов указывал на целый ряд мероприятий, проводимых в районе Эрзерума (усиленный подвоз военных материалов, переброска частей, усиленная заготовка провианта и фуража и т. д.)⁴.

Вся работа германской военной миссии по существу была направлена на превращение турецкой армии (а вместе с ней и Турции) в вассала германского империализма.

Таким образом, накануне первой мировой войны германской военной миссии удалось захватить командные позиции в турецком военном аппарате. Были приняты подготовительные мобилизационные меры, восстановлены и усилены укрепления. Миссия Лимана фон Сандерса своей деятельностью расчистила путь германо-турецкому союзу. Она же, совместно с германской дипломатией, в значительной мере способствовала вовлечению Турции в первую мировую войну.

¹ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3835, л. 275. Документ турецкого военного министерства: „Обязанности начальника штаба корпуса и других офицеров генерального штаба“.

² АВПР, Канцелярия, 1913 г., л. 38, лл. 24 и 29.

³ ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. 1, ед. хр. № 3792, лл. 135—136.

⁴ Там же, ед. хр. № 3833, л. 103.